

Тянь Ци вышла из лавки Баохэ, погруженная в свои мысли, и едва не врезалась в Цзи Хэна.

Она вовремя остановилась. Подняв голову и увидев перед собой императора, девушка поспешно отступила на два шага и склонилась в поклоне:

— Да здравствует император!

Цзи Хэн молчал. Он не знал, как следует реагировать. Он был уверен, что Тянь Ци — это уже пройденный этап. Он прогнал его, решил больше никогда не видеть, и на этом всё должно было закончиться. С этого момента Тянь Ци должен был стать лишь нелепым эпизодом в его прошлом, который он запрятал в самый дальний уголок памяти, чтобы больше никогда не вспоминать.

Однако он не ожидал, что сегодняшняя случайная встреча в одно мгновение превратит все его планы в пыль.

Хотя внешне Цзи Хэн сохранял невозмутимость, внутри него бушевала стихия. Эмоции, подобные вышедшему из берегов потоку, с неистовой силой бились о плотину его разума. Оказалось, что забвение — это вовсе не отсутствие памяти, а лишь накопление тоски. И когда она достигает предела, достаточно малейшей искры, чтобы всё взорвалось.

Цзи Хэн молчал. Что он мог сказать? Он ничего не мог и не должен был говорить. Он боялся, что стоит ему открыть рот, как он произнесет слова, о которых потом горько пожалеет. Сейчас ему следовало развернуться и уйти, покинуть это странное место и держаться подальше от этого не менее странного человека.

Но вместо этого он сделал шаг вперед и пристально посмотрел на Тянь Ци.

Видя, что император игнорирует её, Тянь Ци решила, что он просто испытывает к ней отвращение. Она выпрямилась и сказала:

— Раб удаляется.

С этими словами она собралась уходить, но Цзи Хэн невольно схватил её за шиворот и рывком потянул обратно.

Тянь Ци почувствовала, что её ноги почти оторвались от земли — теперь её держали, словно цыпленка.

Ну вот, опять она разозлила императора. Сначала Тянь Ци подумала, что он так ведет себя из-за жалобы Сунь Цунжуня, но тут же одернула себя: старик в первую очередь будет лечить сына, он не мог так быстро донести до императора. Успокоившись, она лъстиво улыбнулась:

— Император, сколько дней мы не виделись, а вы стали еще статнее и краше! Раб всё это время думал о вас, просто не осмеливался прийти.

Цзи Хэн знал, что Тянь Ци болтает такие вещи так же легко, как пьет воду, но почему-то эти слова пришились ему по душе. Он слегка потряс её и наконец произнес:

— Так скучал, что при виде меня сразу собрался уйти?

— Нет... Император, разве вы не говорили, чтобы я больше не попадался вам на глаза? Раб испугался, что буду мозолить глаза Его Величеству, поэтому и хотел поскорее исчезнуть.

Глядя на беспечное лицо Тянь Ци, Цзи Хэн внезапно почувствовал раздражение. Что это значит? С какой стати? Он из последних сил сдерживал себя, а этот человек ведет себя так легко и непринужденно. Постоянно твердит о тоске, но при этом остается прожженным хитрецом, готовым ляпнуть что угодно.

Тоска, о которой так легко говорить, не имеет особого веса. Цзи Хэн понимал, что если он хочет в это верить, то лишь занимается самообманом. Тянь Ци всегда твердила, что любит его — возможно, это и правда, но до какой степени? Этого он не знал. Во всяком случае, когда он выгонял его из дворца, Тянь Ци не выказал ни капли разочарования или грусти, а наоборот, обрадовался и даже хотел вовсе покинуть дворец.

Может ли такой человек по-настоящему любить его?

Ему вдруг стало так тошно. Словно в драме, которую они должны были играть вдвоем, он один выкладывался на сцене, а второй уже забыл слова и сладко спит в сторонке.

Да, это было довольно жалко. Цзи Хэн наконец нашел для себя повод держаться от Тянь Ци подальше. Он отпустил его и с бесстрастным лицом произнес:

— Впредь не смей показываться мне на глаза. Иначе... — он помедлил и процедил сквозь зубы, — казнь без пощады.

Тянь Ци по доброте душевной напомнила:

— Император, вы же обещали меня не убивать.

— Убирайся вон!

Тянь Ци поплелась прочь, про себя ворча, что император не держит своего слова — мол, государь не бросает слов на ветер, а этот даже хуже её, евнуха, в плане честности.

Хотя Тянь Ци получила запрет на появление перед императором, её сердце осталось во дворце Цяньцин. Она пристально следила за передвижениями Цзи Хэна — не ради чего-то другого, а чтобы узнать, не приходил ли жаловаться Сунь Цунжуй. Она думала, что если дело станет совсем плохим, то просто сбежит — мир велик, найти одного человека не так-то просто.

Она прождала больше дня, но вместо Сунь Цунжуй к ней пожаловал инициативный юный князь.

Цзи Чжэн ради Тянь Ци пошел ва-банк и решил лично пожаловаться Цзи Хэну. Будучи родным братом императора, ему не нужно было писать прошения — он просто пришел к брату и выложил всё как на духу: мол, сидели они спокойно в ресторане, как вдруг ворвался Сунь Фань, начал нести чепуху и лезть в драку. Им пришлось защищаться, и в суматохе он случайно побил Сунь Фаня.

Как только Цзи Хэн услышал, что в этом замешан Тянь Ци, он тут же насторожился.

Цзи Чжэн был человеком проницательным и давно понял, что император не любит, когда он водится с Тянь Ци, по какой бы причине это ни происходило. Поэтому он пояснил:

— Тянь Ци просто случайно встретился с нами, мы выпили по чарке вина, и его тоже заделали люди Сунь Фаня. По правде говоря, это мы его подставили.

Сердце Цзи Хэна дрогнуло. Но если бы он поверил словам брата на слово, он не был бы Цзи Хэном. Однако у него возник вопрос: если Цзи Чжэн подрался, причем явно не проиграл, зачем идти жаловаться к престолу? Его брат не из тех, кто привык жаловаться.

Вскоре всё прояснилось.

Сунь Цунжуй, заливаясь слезами, заявил, что его сына покалечил дворцовый евнух, и умолял императора ради его седин восстановить справедливость.

На самом деле Сунь Цунжуй был человеком сдержанным и не стал бы докучать императору из-за пустяков. Но его сын ушел из дома здоровым, а вернулся на носилках — как тут отцу не расчувствоваться? Врачи сказали, что угрозы жизни нет, но сломана бедренная кость, и нужно долго лечиться. Узнав, что сына избил какой-то евнух — тот самый Тянь Ци, который когда-то был в фаворе, а теперь изгнан из дворца, — Сунь Цунжуй пришел в ярость. Он поверил сыну, что это была провокация со стороны Тянь Ци, и примчался к императору требовать правосудия.

Он пришел как раз вовремя, пока ван Нин еще не ушел.

Выслушав жалобу Сунь Цунжуй, Цзи Хэн с полуулыбкой взглянул на Цзи Чжэна. Он-то знал, что всё гораздо проще, и дело снова в Тянь Ци!

На самом деле, вступить за Тянь Ци хотели не только Цзи Чжэн. Чжэн Шаофэн и Тан Тяньюань тоже собирались. Но отец Чжэн Шаофэна, узнав, что сын ввязался в драку с Сунь Фанем и хочет лезть к императору, не раздумывая, запер его дома. А Тан Жолин, выслушав рассказ сына, тоже остановил Тан Тяньюаня, приказав ему не горячиться.

Тан Тяньюань не понимал почему, и отец объяснил:

— Ван Нин обязательно вступится, давайте подождем. Сунь Фань жив, твой друг не погибнет. Посмотрим, насколько Ван Нин дорог сердцу императора, раз он готов заступиться за врагов семьи Сунь.

Все знали, что несколько лет назад между Ван Нином и императором пробежала черная кошка. Но прошло столько времени — опасается ли император своего брата до сих пор? Чиновники боялись сближаться с Ван Нином, но если император отбросил предубеждения, то Ван Нин мог стать мощной опорой.

Тан Тяньюань понял отца. Хоть ему и не хотелось сидеть сложа руки, иного выхода не было. Нужно следить за ситуацией. Нельзя действовать на эмоциях: если даже Ван Нин не спасет Тянь Ци, то он, Тан Тяньюань, тем более ничего не добьется.

Во дворце Янсинь Тянь Ци снова предстал перед Цзи Хэном.

Хотя именно император нарушил свое слово — вчера запретил видеть его, а сегодня приказал притащить обратно, — Тянь Ци, заботясь о своей голове, решил намотать на неё что-нибудь, чтобы, так сказать, не показываться императору на глаза.

Она действовала решительно и намотала полотно так плотно, что сама почти ничего не видела.

Цзи Хэн сидел в кабинете, рядом сидели Цзи Чжэн и Сунь Цунжуй. В комнате царила тишина. Все трое во все глаза смотрели, как человек в форме евнуха идет по комнате с намотанной на голову синей тканью, торчащей вверх наподобие дымовой трубы. Эта движущаяся труба ощупью пробиралась к дверям и с глухим стуком врезалась в косяк.

Все трое остолбенели.

Тянь Ци потеряла голову, сменила направление и пошла дальше. От удара её немного шатало, она вошла в кабинет, примерно прикинула, где находится, и бухнулась на колени перед Сунь Цунжуйем:

— Раб приветствует императора!

Сунь Цунжуй от испуга свалился со стула и, перекатившись, упал на колени перед Цзи Хэном:

— Старый... старый... старый слуга виноват!

Шэн Аньхуай не выдержал, подошел и дернул Тянь Ци, развернув её в нужную сторону.

Тянь Ци снова поклонилась:

— Раб приветствует императора!

Цзи Хэн жестом приказал Сунь Цунжую сесть. Его начинала болеть голова от выходок Тянь Ци:

— Что за наряд? Ты что, скрываешь что-то постыдное?

— Император, раб боится, что вид мой испортит вам настроение, — пояснила Тянь Ци.

Цзи Хэн едва не скрипнул зубами от её наглости. Он не стал допытываться и спросил:

— Отвечай, это ты сломал ногу Сунь Фаню?

О, так он всего лишь сломал ногу. Тянь Ци подумала и ответила:

— Император, раб не знает наверняка, я ли это сделал. Мы оба были в гуще драки, и он получил травму. Но у меня есть одно слово, не знаю, можно ли его сказать?

— Говори.

— Раб считает, что Сунь Фань не знает приличий, опозорил господина Суня и оклеветал Ван Нина. Он заслужил урок, и сломанная нога — это еще мягкое наказание.

Сунь Цунжуй не выдержал:

— Ты... лжешь!

— Император, у меня есть доказательства. В тот день мы случайно встретились в ресторане с Ван Нином, обедали, как вдруг ворвался Сунь Фань и начал насмехаться надо мной. Я бы стерпел — в прошлый раз я заставил его бегать голышом, он был вправе злиться. Но он... он...

— Тянь Ци намеренно замялась, зная, что император ненавидит больше всего, — он сказал, что Ван Нин — любитель мужчин, и что он специально выбирает евнухов из свиты императора, а я — его любовник. Император, я невиновен! Как это позорит честь Ван Нина? Как это позорит честь императорского дома?

Лицо Цзи Хэна почернело, но Тянь Ци этого не видела.

Сунь Цунжуй дрожащим пальцем указал на него:

— Ты... ты...

Тянь Ци, не давая ему вставить слово, продолжала:

— Он не только оклеветал князя, но и первым полез в драку. Князь — особа императорских кровей, а он ни во что его не ставит. Это прямое неуважение к императорской власти!

Цзи Чжэн подыграл, сделав скорбное лицо.

Сунь Цунжуй взревел:

— Ты лжешь!

— Господин Сунь, вы разве были там? Вы слышали только слова своего сына, как вы можете быть уверены, что я лгу? Император, всё происходило в ресторане, официанты могут подтвердить, что Сунь Фань первым ворвался в наш номер. А что касается слов о Ван Нине, то господин Чжэн и господин Тан всё слышали.

Они заранее договорились о показаниях.

Сунь Цунжуй усмехнулся:

— Вы могли сговориться, чтобы оклеветать моего сына. Император, мой сын хоть и непутевый, но не стал бы так нагло лгать.

— Значит, господин Сунь хочет сказать, что Ван Нин, сын первого министра и сын господина Тана объединились, чтобы подставить вашего сына? Какая же честь для вашего сына!

Цзи Чжэн тоже усмехнулся:

— Я такими делами не занимаюсь, господин Сунь, подбирайте слова.

Сунь Цунжуй хотел спорить дальше, но Цзи Хэн прервал их:

— Довольно. Если всё случилось в ресторане, допрос официантов всё прояснит. Господин Сунь, вернитесь и расспросите сына еще раз, — он помедлил, — а если мой сын вел себя так, как вы описываете, то мне не нужны помощники — я сам сломаю ему ноги.

Сунь Цунжуй понял, что император хоть и говорит правильные вещи, на самом деле покрывает брата. Потерпев поражение, он поплелся прочь. Он думал, что с маленьким евнухом легко расправиться, но не ожидал, что у того есть поддержка в лице Ван Нина, да и язык у него подвешен. Всю жизнь он плел интриги, а тут попался на удочку мальчишки.

На самом деле, главная причина фиаско Сунь Цунжуя была в том, что его подставил собственный сын. Если бы он знал, что сын сам ворвался в чужой номер, он бы ни за что не пришел позориться перед императором.

Цзи Хэн временно закрыл вопрос и отпустил всех.

Тянь Ци тоже хотела встать и уйти, но Цзи Хэн остановил её:

— Я разрешал тебе встать?

Тянь Ци пришлось снова опуститься на колени.

Цзи Хэн смотрел на эту «дымовую трубу» перед собой и раздраженно бросил:

— Сними эту тряпку, я тебя прощаю.

Тянь Ци сняла полотно. Из-за нехватки воздуха её лицо слегка покраснело, словно лепестки цветов.

Глядя на это лицо, сердце Цзи Хэна забилося чаще. Он холодно усмехнулся:

— Хорошо тебе жилось за пределами дворца, а? Пирушки, драки, да еще и с А-Чжэном путаешься.

При этой мысли у Цзи Хэна сжало сердце.

Тянь Ци хихикнула:

— Император, вы перехвалили. Раб просто зарабатывал на жизнь, никаких развлечений.

— По-моему, ты ничем, кроме развлечений, и не занимался.

Тянь Ци опустила голову, не смея спорить.

— Подними голову.

Тянь Ци послушно подняла голову и обнаружила, что император уже стоит перед ней. Ей пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы увидеть его лицо.

Видя, как Тянь Ци смиренно стоит на коленях у его ног, глядя на него снизу вверх с выражением покорности, Цзи Хэн почувствовал странный трепет. Но, вспомнив, как он страдал во дворце, пока этот маленький извращенец наслаждался свободой, Цзи Хэн ощутил досаду.

Да, досаду. Еще позавчера он лихо решил, что всё это ерунда и пора забыть, но забыть не получалось. С тех пор как он увидел его, он ни на миг не переставал думать о нем. Но вот думал ли этот маленький извращенец о нем?

Он был недоволен, настолько, что в душе зародилась злоба.

Именно Тянь Ци затянул его в этот бесконечный кошмар, из которого невозможно выбраться.

А сам что? Натворил дел и хочет сбежать?

Разве так легко отделаться?

Тянь Ци не знала, о чем думает император. У неё затекла шея, и она напредила:

— Император, будут еще указания?

Цзи Хэн внезапно присел, чтобы оказаться с ней на одном уровне. Он протянул руку, обхватил лицо Тянь Ци и большим пальцем мягко погладил её щеку. Он улыбнулся — улыбка была живой, но в ней сквозило что-то пугающее. Он тихо проговорил:

— Даже в кошмаре нужен компаньон, не так ли?

Тянь Ци не поняла, что он имеет в виду, и не знала, что от неё ждут. Видимо, за время отсутствия при дворе она совсем разучилась читать мысли императора. Ей лишь показалось, что взгляд императора какой-то ненормальный, искаженный, полный пугающего возбуждения — словно он готов проглотить её целиком.

Тянь Ци содрогнулась и побоялась что-либо сказать.

В этот момент вошел евнух:

— Император, Вдовствующая императрица приглашает вас во дворец Цынин для обсуждения важных дел.

Цзи Хэн встал, не глядя на Тянь Ци, и ушел.

По дороге он всё думал: неужели он сошел с ума? Почему он так подумал? Почему...

Но потом подумал: а так ли это плохо? Даже если плохо, это лучше, чем терпеть и страдать в одиночку.

...Но это неправильно, неправильное остается неправильным.

...А если неправильно, то что? Кто может что-то сделать?

...Но...

...А что?!

Цзи Хэн чувствовал, что теряет рассудок. Две мысли боролись в его голове, не уступая друг

другу. Наконец, зловерное семя желания, которое он случайно обронил в своем сердце, проросло, питаясь его волей. В конце концов, оно разрослось так сильно, что поглотило цветок разума.

И тогда Цзи Хэн понял, что женщины в гареме его больше не интересуют.

Неужели он окончательно станет любителем мужчин? Цзи Хэн горько усмехнулся.

Пусть будет так, подумал он.

На самом деле, другого пути не было.

За те несколько дней, пока Цзи Хэн метался в сомнениях и приходил к своему «просветлению», Тянь Ци даже не догадывалась, какая опасность надвигается.

Как говорится, умный трудится, а мудрый тревожится. Тянь Ци была умна и способна, отличный делец, поэтому вертелась как белка в колесе. Она не только моталась между лавкой Баохэ и дворцом, но и присматривала за недавно купленным рестораном.

Что касается ресторана, у Тянь Ци болела голова. Она не могла быть мастером на все руки, а с ресторанным бизнесом никогда не сталкивалась, поэтому поначалу царил полный хаос.

Её трое товарищей начали предлагать свои идеи развития.

Самый главный вопрос — кухня.

Цзи Чжэн считал, что нужно продолжать подавать блюда Линнани, Тянь Ци предпочитала кухню Цзянчжэ, Чжэн Шаофэн настаивал на кухне Лу и даже хотел бесплатно предоставить своего повара, а Тан Тяньюань, выросший в Сычуани, был без ума от сычуаньской кухни.

Четверо человек — четыре разных мнения. Тянь Ци уже боялась спрашивать кого-то еще, а то пришлось бы перечислять все кухни мира.

Цзи Чжэн вдруг осенило:

— А почему бы и нет? В столицу съезжаются люди со всех концов света, давайте делать разные кухни, чтобы угодить всем.

Чжэн Шаофэн и Тянь Ци согласились, но Тан Тяньюань указал на проблему:

— У каждой кухни сотни блюд. Если собрать всё сразу, получится нагромождение, да и качество пострадает.

Тянь Ци подумала и предложила:

— Давайте сделаем так: будем готовить только самое основное и характерное для каждой кухни. В любом случае, самые популярные блюда — это десяток-другой позиций. А если кто-то захочет экзотики — пусть заказывает заранее, и мы приготовим.

Этот компромисс всех устроил. Из них четверых только Цзи Чжэн имел реальный опыт в бизнесе. Из-за своего положения он не мог заниматься политикой, да и не любил, поэтому находил отдушину в делах. Цзи Хэн всегда упрекал его в праздности, но был неправ.

В бизнесе нет строгих правил. С точки зрения Цзи Чжэна, ресторан, предлагающий разнообразие, может стать уникальным. Поскольку экзамены на чиновничью должность проводятся по всей стране, чиновники в столице — люди со всех концов Поднебесной. Плюс иностранные делегации. Все эти люди меняют облик столицы. Они хотят есть привычную еду. И когда люди из разных мест собираются вместе, сложно угодить всем одной кухней. А если каждый закажет немного еды из родных мест — во-первых, это вкус дома, во-вторых, всегда есть тема для разговора. Человек всю жизнь привязан к своей родине, особенно вдали от неё. Чужие люди, сидя за столом с родными блюдами, быстро находят общий язык. А еще есть любители новизны — можно заказать целый стол и попробовать всё: от дождей Циньхуай до облаков Сычуани. Разве не интересно?

Надо признать, Цзи Чжэн отлично понимал психологию клиентов.

Концепция ресторана была утверждена. Осталось придумать название. Цзи Чжэн предложил простое, но звучное имя — «Гости со всех сторон». Вывеску написал Тан Тяньюань. Его каллиграфия была известна в кругах интеллектуалов.

Дальше — поиск поваров и официантов. Чжэн Шаофэн, чувствуя себя виноватым в том, что мало помогал, настоял на своем поваре. Тот был мастером не только кухни Лу, но и северо-западной кухни — идеальный вариант.

Пока набирали персонал, Тянь Ци и остальные занялись ремонтом. Расширили кухню, обновили интерьеры, сделали тематические залы под разные кухни. На первом этаже — общий зал для простых гостей, заменили мебель, чай бесплатно.

Всё это казалось простым, но на деле было ужасно хлопотно. Тянь Ци, привыкшая всё делать на совесть, за эти дни вымоталась до предела. Она думала: если у неё есть дело за пределами дворца, зачем ей оставаться здесь? Антикварный бизнес можно вести и без дворца.

А главное — взгляд императора при их последней встрече был слишком жутким. У Тянь Ци было предчувствие, что в следующий раз добром это не кончится. Но судя по тому, как они сталкивались, она вряд ли могла на это повлиять.

Может, уйти из дворца прямо сейчас?

Тянь Ци перебрала много способов, самый надежный — притвориться больной. Пришлось снова просить Ван Мэна. Услышав о планах Тянь Ци, тот даже прослезился.

Тянь Ци только сейчас поняла, что этот парень в душе — сентиментальная девчонка. Она чувствовала себя неловко, но была тронута. Раз кто-то плачет из-за её ухода, значит, она не зря провела время в этом дворце.

Приняв лекарство от Ван Мэна, Тянь Ци снова оказалась в изоляторе Зала Анлэ. На этот раз — с легочной чахоткой.

Тянь Ци прикинула: если всё пойдет по плану, её продержат день-два, Шэн Аньхуай доложит, и её вышвырнут из дворца. Поскольку император так её ненавидит, что и видеть не хочет, Шэн Аньхуай вряд ли станет докладывать лично ему, что исключит риск того, что император просто прикажет её казнить.

На самом деле, её расчет был верен. Как показали дальнейшие события, она почти преуспела.

Конечно, только «почти».

Вдовствующая императрица как-то вызвала Цзи Хэна, чтобы обсудить «важное дело» — празднование дня рождения Жуи. По правде говоря, это едва ли можно было назвать важным делом: устраивать пышные торжества для маленького ребенка не стоит, но бабушка души не чаяла во внуке и непременно хотела достойно его поздравить. Главное — не размах, а уют, веселье и радость самого именинника.

Цзи Хэн спросил сына, чего тот хочет. Жуи, словно нарочно желая досадить отцу, потребовал кольцо Цянькунь, луну с неба и в придачу Чжу Бацзе.

Цзи Хэн, недолго думая, приказал Шэн Аньхуаю нанять труппу, чтобы те разыграли представления: «Нэчжа покоряет море», «Чанъэ летит на Луну» и «Чжу Бацзе ест арбуз». На том и порешили.

Далее нужно было составить список приглашенных. Бабушка, отец и дядя присутствовали по умолчанию. Желая уважить мнение сына, Цзи Хэн позволил Жуи самому добавить кого-нибудь в список.

Разумеется, Жуи выбрал Тянь Ци.

За последние дни Цзи Хэн многое переосмыслил и уже не был так суетлив, как прежде. Он решил воспользоваться праздником, чтобы вернуть Тянь Ци обратно. Император дал Шэн Аньхуаю строгое указание: Тянь Ци обязан присутствовать на банкете.

Однако Шэн Аньхуай ответил:

— Докладываю Вашему Величеству, Тянь Ци заболел чахоткой и сейчас находится в зале Анлэ на излечении.

Эти слова прозвучали как удар грома. У Цзи Хэна в голове зашумело, мысли разом исчезли. Он застыл, глядя в пустоту остекленевшими глазами, не в силах поверить в услышанное.

Как такое возможно? Еще несколько дней назад человек был полон сил, как вдруг — смертельная болезнь?

Шэн Аньхуай добавил:

— Тянь Ци хочет перед смертью навестить родные края, завтра он собирается в путь.

Цзи Хэн внезапно взревел:

— Почему ты не доложил раньше!

Этот крик, казалось, обрел физическую силу, заставив Шэн Аньхуая вздрогнуть:

— Ваше Величество, вы сами приказали не докладывать вам ни о чем, что касается Тянь Ци.

Цзи Хэн действительно отдавал такой приказ. Но... то было раньше, сейчас всё иначе!

— Где он? — спросил Цзи Хэн.

— Ваше Величество, Тянь Ци всё еще в зале Анлэ.

— В зал Анлэ, — бросил Цзи Хэн и направился к выходу.

Шэн Аньхуай преградил ему путь:

— Ваше Величество... — он пребывал в явном замешательстве. Чахотка — болезнь заразная, если император подхватит её, последствия будут катастрофическими.

— В зал Анлэ! — лицо Цзи Хэна исказилось.

Шэн Аньхуаю пришлось отступить и покорно последовать за ним.

Цзи Хэн не мог смириться с тем, что Тянь Ци неизлечимо болен, а раз не мог смириться — значит, отказывался верить. По пути из дворца Цяньцин в зал Анлэ он пребывал в состоянии крайнего возбуждения, беспрестанно ища любые зацепки, чтобы опровергнуть этот факт.

Подойдя к палате Тянь Ци, Цзи Хэн остановился. Взгляд на знакомую обстановку внезапно озарил его догадкой.

Тянь Ци не повезло: её поселили в ту же комнату, где она лежала, когда болела ветрянкой. Глядя на всё это, Цзи Хэн невольно вспомнил тот случай. Тогда ему тоже показалось странным, что болезнь прошла так быстро: пришла и ушла по мановению руки, словно она сама её выдрессировала.

В тот раз он был озабочен лишь спасением Тянь Ци, и, когда всё закончилось благополучно, не стал вникать в детали. Теперь же, сопоставив факты, он счел ситуацию подозрительной. К тому же, кажется, Тянь Ци упоминала, что у неё есть знакомый, сведущий в лекарственных травах...

С этой мыслью Цзи Хэн двинулся к двери. Шэн Аньхуай снова преградил ему путь:

— Ваше Величество, поберегите себя, вам нельзя входить!

— Со мной всё будет в порядке. И с Тянь Ци тоже, — отрезал Цзи Хэн, отстранил Шэн Аньхуая и вошел внутрь.

Шэн Аньхуай попытался было последовать за ним, но дверь, с силой захлопнутая императором, едва не ударила его по носу. Ему оставалось лишь наблюдать за происходящим через окно.

Тянь Ци, погруженная в свои мысли, не заметила, как вошел император. Она думала о Жуи: через два дня малышу исполняется четыре года, а она уже не сможет его поздравить. Интересно, обидится ли он? Тянь Ци не знала, как объяснить всё ребенку, да и не осмелилась бы взглянуть ему в глаза. Она обещала быть рядом, но в итоге нарушила слово.

Громкий стук двери прервал её размышления. Тянь Ци подняла голову и, увидев императора, в панике села на кровати:

— Ваше Величество... как вы здесь оказались...

Цзи Хэн сделал несколько шагов и всмотрелся в лицо Тянь Ци. Она выглядела изможденной, бледной — и впрямь похоже на тяжелобольного. Однако в её глазах, пусть и подернутых печалью, не было того отчаяния, которое бывает у людей, столкнувшихся со смертью. Никак не похоже на смертельный недуг.

— Я слышал, ты заболел, вот и пришел проведать. В конце концов, мы столько времени провели вместе, я не такой уж бессердечный, — сказал Цзи Хэн и сделал еще пару шагов.

Тянь Ци, помня о своей роли больного чахоткой, пустила в ход актерское мастерство:

— Ваше Величество, не подходите ближе! Моя болезнь может передаваться вам!

Играет убедительно. Цзи Хэн усмехнулся про себя и спросил:

— Тянь Ци, я давно хотел спросить: почему ты так быстро поправился, когда болел ветрянкой?

Тянь Ци удивленно посмотрела на него. Неужели он что-то заподозрил?

— Нечего ответить? Я слышал, у тебя есть знакомый лекарь. Если он готовит тебе странные снадобья, которыми можно обмануть других, то, может, и сейчас ты хитришь?

Она всё поняла: он действительно догадался! Тянь Ци решила попытаться выкрутиться:

— Ваше Величество, я не понимаю, о чем вы...

— Не понимаешь — не беда. Твой знакомый лекарь наверняка поймет. Прикажу арестовать его, хорошенько проучу, и он всё выложит.

Этот грубый и жестокий метод, безусловно, был очень эффективным.

Тянь Ци бухнулась на колени и по привычке вцепилась в ногу Цзи Хэна — движения были настолько отточенными, что сразу стало ясно: проделывала она это не раз. Не успела она открыть рот, как уголки губ Цзи Хэна дрогнули в улыбке.

— Ваше Величество... у меня были на то веские причины... — она решила признаться во всем.

— О? И какие же? Рассказывай.

— Я знал, что вы не хотите меня видеть, поэтому...

Цзи Хэн перебил её:

— Я говорил, что не хочу тебя видеть, но я также запрещал тебе покидать дворец. Ты же самовольно всё решила, совершив преступление против императора.

Обвинение становилось всё серьезнее, и Тянь Ци запаниковала:

— Нет-нет... ну, это...

— Что нет? Что это? Какие еще оправдания ты придумашь? Выкладывай всё разом.

Тянь Ци, стиснув зубы, решила воспользоваться тем самым нелепым, но эффективным предлогом:

— Ваше Величество, разве я не тайно влюблен в вас? Последние дни я не мог сдерживаться, боялся, что потеряю контроль и... совершу над вами домогательство... вот и пришлось сбежать из дворца, чтобы не мучиться...

По итогам года эта фраза возглавила список десяти самых постыдных высказываний Тянь Ци.

Цзи Хэн позволил ей тереться о свою ногу и равнодушно произнес:

— Ничего страшного.

— ??? — Тянь Ци озадаченно подняла на него глаза.

Цзи Хэн, глядя на неё сверху вниз, пояснил:

— Если не можешь сдержаться — ничего страшного. Я не боюсь твоих домогательств. — Его взгляд был предельно серьезным.

Неужели император сошел с ума?

Цзи Хэн добавил, и его взгляд потемнел:

— Я могу исполнить твоё желание.

— Мое желание... какое еще желание?

— Давай, помогайся меня, — сказал он.

Что же делать, у императора снова приступ безумия! Тянь Ци в ужасе обернулась и увидела за окном Шэн Аньхуая. Судя по его лицу, он слышал весь разговор. Тянь Ци, найдя спасителя, бросилась к окну:

— Дедушка Шэн, скорее спасайте императора, позовите лекаря!

Ответом ей было молчаливое движение Шэн Аньхуая — он просто протянул руку и закрыл окно.

Тянь Ци: «...» Да они все здесь психи!

Цзи Хэн остался доволен. Он подошел к Тянь Ци, которая пыталась открыть окно, схватил её и прижал к стене. Одной рукой он удерживал её за плечи, чтобы не вырвалась, а другой уперся в стену, нависая над ней.

Они были так близко, что их дыхание смешалось. Тянь Ци, то ли от страха, то ли от смущения, вспыхнула. Воздух в комнате словно раскалился. Запертая в узком пространстве, она совершенно растерялась, глядя на него во все глаза и запинаясь:

— Ва-ва-ва-ва-ва...

На этом её красноречие иссякло.

Взгляд Цзи Хэна потемнел, словно небо перед бурей. Он наклонился ближе, усмехнулся и, приподняв бровь, произнес:

— Что, не знаешь, как домогаться? — его голос, низкий и хриплый от сдерживаемых чувств, звучал пугающе соблазнительно.

Тянь Ци чувствовала, как вибрирует его грудь:

— Ва-ва-ва-ва-ва... — она, считавшая себя находчивой и хладнокровной, сейчас совершенно потеряла голову.

— Ничего, я научу, — сказал Цзи Хэн.

— Ваше Величество...

Она успела лишь прошептать это, как он прервал её.

Все мысли в голове Тянь Ци разом погасли, словно бескрайняя степь после метели — пустота и тишина.

Реакция Цзи Хэна была противоположной. В тот момент, когда он коснулся губ Тянь Ци, долго сдерживаемые эмоции вырвались наружу, подобно цунами. После короткой паузы он приоткрыл рот и, обхватив губы Тянь Ци, начал жадно их исследовать. Он покусывал их, проводил кончиком языка по контуру, смакуя мягкость и сладость — вкус, который казался ему лучшим на свете. Не удовлетворившись этим, он углубил поцелуй, прижимаясь языком к её губам.

Легкая боль от сильного давления заставила остолбеневшую Тянь Ци прийти в себя, она невольно нахмурилась.

Недовольный отсутствием ответа, Цзи Хэн слегка прикусил её верхнюю губу. Тянь Ци глухо застонала — этот короткий, отрывистый звук, вырвавшийся из её горла, заставил сердце Цзи Хэна биться в бешеном ритме. Он закрыл глаза, и от этого звука, полного скрытой страсти, по его телу разлилась волна жара, заставив вены на висках пульсировать. Он с силой раздвинул её губы, вторгаясь внутрь.

Тянь Ци, чьи губы были приоткрыты от изумления, не смогла оказать сопротивления. Цзи Хэн, как рыба в воде, принялся исследовать каждый уголок её рта, сплетаясь с её языком в требовательном танце. Тянь Ци инстинктивно пыталась оттолкнуть его, но это движение лишь раззадорило императора. Он намеренно прижал её язык своим, вызывая волну сладостного оцепенения, которая пронзила её до кончиков пальцев.

Это сводило с ума!

Цзи Хэн слегка отстранился, и Тянь Ци, решив, что он закончил, потянулась было вперед, но

он тут же снова ворвался в её рот, придерживая за подбородок и жадно впитывая каждый вздох.

Тянь Ци чувствовала, как её душа ускользает от неё!

Её остатки разума окончательно покинули её. Руки, которые она пыталась поднять, чтобы оттолкнуть его, безвольно опустились на его грудь. Ноги подкашивались, и она начала медленно сползать по стене. Цзи Хэн вовремя подхватил её за талию, прижимая к себе еще крепче.

Тянь Ци чувствовала себя словно сделанной из теста. Перед глазами всё плыло. Она видела его опущенные ресницы, густые и длинные, как сосновые иглы, которые едва заметно дрожали. Её сердце билось в унисон с этим трепетом, а в душе смешались стыд, смутение, гнев и полная растерянность. Желая немедленно положить этому конец, она, не раздумывая, укусила его.

Цзи Хэн, почувствовав угрозу, тут же отстранился. Но он-то отпрянул, а Тянь Ци — нет, и её зубы сомкнулись на собственном языке.

— А-а-а!

Шэн Аньхуай, стоявший снаружи, вздрогнул от неожиданного крика после долгой тишины. Он недоумевал: что же там творит император? И впрямь, настоящий извращенец!

Внутри Тянь Ци зажала рот руками, из глаз брызнули слезы. Больно!

Цзи Хэн, поняв, что произошло, испытал укол жалости, беспокойства, но в то же время ему стало смешно. Он осторожно потянул её за руки:

— Покажи.

Тянь Ци прижала ладони еще плотнее.

— Убери руки, я ничего не сделаю, — пообещал Цзи Хэн.

...Ни за что!

Цзи Хэну пришлось прибегнуть к угрозе:

— Если пойдет кровь, можно и умереть. Слышала про тех, кто откусывал язык, чтобы покончить с собой?

Ничто не пугало сильнее, чем смерть. Тянь Ци решительно убрала руки и высунула язык. Цзи Хэн внимательно осмотрел его — к счастью, крови не было. Успокоившись, он снова

засмотрелся на её нежно-розовый кончик языка, и его мысли снова потекли в неверном направлении.

Заметив странный взгляд императора, Тянь Ци снова закрыла рот, глядя на него настороженно.

Цзи Хэн смотрел на неё: лицо, еще недавно бледное, теперь пылало румянцем, глаза, полные слез, были широко раскрыты — похожа на испуганного зверька. Сердце Цзи Хэна растаяло. Он, улыбаясь, коснулся пальцем её руки, прикрывающей рот:

— Разве ты не хотела домогаться меня? Раз уж желание исполнилось, к чему теперь притворяться?

Тянь Ци была вне себя от стыда и гнева. За свою жизнь она наговорила много глупостей, но никогда еще так сильно не жалела о сказанном, мечтая забрать каждое слово обратно.

Цзи Хэн перестал дразнить её и взял за руку:

— Пойдем.

Тянь Ци, опешив, попыталась выдернуть руку, но... не смогла.

Шэн Аньхуай, увидев императора, выходящего из палаты за руку с Тянь Ци, кашлянул и огляделся по сторонам — к счастью, никого не было.

— Ваше Величество, — он лишь произнес это, выразительно глядя на их сцепленные руки. Пусть лучше об этом знает только он один...

Цзи Хэн отпустил Тянь Ци и посмотрел на него. Заметив, что этот маленький «извращенец» всё еще краснеет, он решил не давить слишком сильно:

— Возвращайся к себе.

— Слушаюс-с, Ваше Величество, — пробормотала Тянь Ци и, развернувшись, бросилась наутек.

Цзи Хэн проводил взглядом её суетливую фигуру, улыбаясь.

Лишь когда Тянь Ци исчезла из виду, он направился во дворец Цяньцин. Всю дорогу он вспоминал их страстный поцелуй, и его собственные уши начали розоветь. Вспоминая смущение Тянь Ци, он невольно рассмеялся.

Шэн Аньхуай был обеспокоен: неужели император совсем спятил?

Вскоре его опасения подтвердились. Император, широко шагая и опустив голову, поднялся по

ступеням дворца, но, не глядя вперед, с глухим стуком врезался прямо в алую колонну.

Шэн Аньхуай: «...» И впрямь спятил.

Евнухи у входа, увидев такую картину, в страхе рухнули на колени. Цзи Хэн, даже не поморщившись, небрежно потер лоб и, сменив направление, пошел дальше.

Шэн Аньхуай: «...»

<http://bllate.org/book/22267/2330923>